

The background of the book cover is a deep space image featuring a vibrant nebula with swirling clouds of blue, purple, and white gas. Numerous bright stars of varying sizes are scattered across the dark cosmic background, some appearing as sharp points of light while others are more diffuse. The overall effect is one of vastness and celestial wonder.

Александр Ермаков

Зильдукных

МАННА

Роман в стихах

ВИЗИТЁРЫ

ДУРНОЙ СОН

Александр Ермаков Зильдукпых
Манна

«АСТ»

2010

Ермаков Зильдукпых А.

Манна / А. Ермаков Зильдукпых — «АСТ», 2010

Непринуждённая, не лишённая здравого смысла, гротеска и юмора,
современная эклектическая креативная ироническая поэзия.

© Ермаков Зильдукпых А., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Ермаков Манна

Роман в стихах

(Историческая фантасмагория)

Часть первая Визитёры

1

Как Земля из космоса красива!
Как она прекрасна и мила!
Из глубин космических курсивом
К ней одна «тарелочка» плыла.
По просторам космоса скользила,
Габаритным пользуясь огнём.
Вот она слегка притормозила
И пошла снижаться под углом...

Добрые пришельцы за штурвалом,
Проходили атмосферный слой.
Было их не много и не мало —
Шестеро, а командир седьмой.
Маскировку быстренько включили
У лесной поверхности Земли,
Улыбались, маленькими были,
На посадку мягкую пошли.
Над Россией тихо пролетали.
НЛО имел бараний вес,
Был из полимеров не из стали,
Приземлился в темный Брянский лес.
И никто не видел в пост Успенский,
Только Степка, мальчик пяти лет.
Он сидел на лавке деревенской,
Увидал над лесом яркий свет.
На закате дня болтал ногами
Плотника Кузьмы родной сынок,
Со двора услышал голос мамы:
«Стёпонька, домой! Ты босоног!»
Свет пропал. И Стёпка прыгнул с лавки,
Словно пуля, в хату полетел.
А в большом хозяйстве кто-то чавкал,
Бил копытом, фыркал и сопел...

Да еще лесник, пожалуй, видел —
Холостой, косматый старый дед.
Удивился, что не накопытил
Странный и летающий объект...
На лесной поляне приземлились.
А когда закатные угли

За холмом потухли, испарились,
Они снедью странной подкрепились,
Машинально Богу помолились
И к работе дружно перешли.
Каждый занимался своим делом
И в руках каждого был КИП,
Измеряли правильно, умело
Ауру планеты, ее тип.
А потом все данные собрали,
В бортовой компьютер занесли,
Над экраном всемером стояли,
Изучая ауру Земли.
У экрана замерли натужно.
Грязный цвет прищельцев поразил!
И слегка присвистнули все дружно,
Командир на кнопку надавил.
Замелькали тексты и ландшафты.
Изучая каждый материк,
У виска крутили астронавты.
Вдруг раздался командира крик.
Выделил Россию, холодея,
И, в ладоши хлопнув, крикнул: «Есть! —
Замерли послы Кассиопея,
Командир добавил лишь. – Он здесь!»

2

Год четвёртый от начала века,
На престоле Николай Второй.
Допекли проблемы человека.
Царь обременён двойной войной.
Первая война там – на востоке,
От столицы очень далеко.
Озверели у японцев боги,
Было русским очень нелегко.
Теснота толкнула самураев
Вероломно на порты напасть.
Этот подлый выпад негодяев
Одобряла островная власть.
Хоть геройски русские сражались,
Победил японский карабин.
Уступили. И врагу достались
Порт-Артур и южный Сахалин,
Да еще армейские штандарты,
Да полтонны брошенных икон...
Возвращались битые солдаты,
И России меньше стал кордон.

Царь однажды получал по шляпе
Самурайской саблей, кровь была.
А когда узнал об этом папа,
Телеграмма с Гатчины пришла.
Николай царевичем был юным
И круиз в Японию привёл.
Ники поступил тогда неумно —
Рикшу тормознул, к беде шагнул.
Был приказ немедленно возвращаться,
И царевич так и поступил:
Начинали дома волноваться,
Океаном быстренько уплыл.
Скоро рана зажила, засохла,
Вновь вино, визиты по друзьям.
Через месяц выглядел неплохо
И на голове остался шрам.
Хоть удар японца был коварен,
Самурая Николай простил
И остался даже благодарен —
Головные боли позабыл.

А теперь он царь и вновь по шапке
Больно бьёт японец наотмашь.
Говорил же перед смертью папка:
«Пусть Мишель на трон садится наш.
Хоть порядочный и человечный,
По-английски шпаришь, не осёл,
Слабовольный ты, сынок, беспечный,
Не потянешь, видимо, престол».
Да и против мать была всё время,
Так и умерла, не присягнув.
«Для чего взвалил я это бремя?
Неужели это всё от чувств
К той, кого народ зовет царицей,
К той, кого по-прежнему люблю?
Спит моя Алиса, что ей снится?
За неё я Господа молю!» —
Очень часто в парке на прогулке
Царь себя вопросами томил,
Спрятав при ходьбе в карманы руки,
И с трудом ответы находил...

А война вторая здесь, под боком,
Для царя была ещё страшней,
Заставляла размышлять о многом —
Как спасти престол от бунтарей?
Как прожить с террором и разбоем?
Как из почвы выдернуть сорняк?
Он хотел жить в мире и покое,

Но не получалось всё никак.
Выборных продвинул из народа,
Собирал Госдуму, разгонял.
Он не мог понять беды природу,
Пока в руки «Капитал» не взял.
«Бунт – дитя, а царский строй – утроба».
Царь немецкий труд в руках листал,
Он держал неслыханную бомбу,
Только обезвредить как не знал:
«Эта жуть замедленного действия!
Кто ее в работу приведет? —
Он боялся за своё семейство
И за свой доверчивый народ. —
Обещай отсталому свободу,
Земли и помещику конец
И лепи, что хочешь из народа.
Неужели есть такой хитрец?
Кто умен, прекрасно образован,
Маркса труд огромный изучил,
Языками, знанием подкован.
Есть такой! По плоскости скользил
На конёчках самообладанья,
Оставляя след на льду интриг,
Большой спец фигурного катанья,
Объезжал и яму и тупик.
Но зачем Ульянову все это?
Не могу я суть здесь уловить.
Неужели честь его задета?
И за брата хочет отомстить?
Или хочет счастьем он согреться,
Сложный мир избавить от всех бед?
А куда обиженному деться?
Ну конечно – сразу на тот свет. —
Волновался, предков вспоминая,
Книгу – бомбу положив на стол. —
Трудно было всем, я это знаю,
От разбойных бунтов и крамол.
Не легка Романовская доля.
Скоро триста лет как Кремль наш.
И была крепка у предков воля,
Каждый был порядка крепкий страж. —
Вспомнил деда после покушенья,
На кровати кровь. – Я был так мал!
И что сам когда-нибудь мишенью
Стану для врагов – не понимал.
Но у нас заступник есть – Распутин!
Он не одержимый, он святой,
Друг семьи Григорий нам по сути,
Ясновидец верный, дорогой!

На жену влияние имеет,
Благотворно лечит ей невроз.
Долго сохранить семью сумеет?» —
Волновал царя один вопрос.

А царица, «Гессенская муха»,
Перед сном снотворное пила,
Мучилась душевною разрухой,
Долго исцелителя ждала:
«Голова болит моя, мой милый.
Ты ответь, любимый, на вопрос,
Кто вдохнёт мне в душу снова силы?»
И давилась дымом папирос.
Мистика таилась в ее генах,
Оккультизмом наградила мать,
Бабкина решимость стыла в венах,
Не могла наследников рожать.
Дочки Ольга, Таня и Мария
Превратили мать в нервный ком.
А потом ещё Анастасия...
От истерик дёргалась лицом.
Женщина гипнозу поддавалась,
Трепеща наследника ждала.
И утроба даже надувалась —
Ложная беременность была.
И кошмары снились ей ночами,
Что чертёнка родила на свет
Мелкого, с копытцами, с рогами,
И будила мужа криком: «Нет!»
Содрогалась от неясных звуков —
От хлопка, вечернего звонка...
И в свое болото предрассудков
Затянула мужа-слабака:
«Ники дорогой, мне так паршиво.
Умоляю, лекаря найди,
Не жалею рублей. Мне так тоскливо.
Знахаря скорее приведи».
Сколько было рядом проходимцев,
Шарлатанов? Каждый лучшим был.
Но не то, не те мелькали лица.
Исцелитель все не приходил...

Вновь она тяжёлая ходила,
Так для родов снова час пришёл,
И мальчонку свету подарила.
Есть наследник! Был спасён престол.
И теперь не надо брату Мише
Атрибуты власти отдавать.
Кроме Бога никого нет выше!

И плевать, что недовольна мать.
Но злой рок преследовал семейство,
Вновь жену истерикой взбесил,
Проявилось генное злодейство —
Маленький Алёша болен был.
Страшная болезнь – гемофилия
Карою была для королей,
И потери были их большие,
Не хотели смешивать кровей.
Брак внутри семьи сестры и брата —
Для династий страшная беда.
И касалась горькая расплата
Почему-то мальчиков всегда.
Страх за крови царскую стерильность,
Также долг с покорностью в глазах,
Высота над миром и закрытость
Обещали вырожденья крах...

3

Полночь. Лес. Объект. Закрыта дверца.
Темень, а в тарелке яркий свет.
У экрана добрые пришельцы
Ищут на больной вопрос ответ.
Командир, на вид слегка усталый,
Поделился мыслями без слов:
«К нам приходят тысячи сигналов,
Все они из разных очагов».
На удобном кресле покрутившись,
Подытожил правильно пилот:
«Значит этот злыдень распылившись,
В голове у каждого живёт».
Тут другой сказал: «Хитёр, зараза!
И выходит, что неуловим».
А четвёртый понял его сразу,
Указав вверх пальчиком большим:
«Все нормально. Центр разберётся.
Главное, что мы его нашли —
Беглеца, которому неймётся,
Ложного хозяина Земли.
На арест Центр санкцию имеет,
Только её некому вручать,
Если он как вирус всюду веет.
Надо срочно сразу всех спасать».
И добавил пятый: «Самозванство!
Сколько лет прошло как он сбежал?
Интерпол космического братства

Где бандита только не искал?!»
«Вредный вирус страха, зла, обмана.
Что придумал?» – вставил тут шестой.
«Интересно, сколько надо манны
Для леченья?» – выдохнул седьмой.
Командир ответил: «Очень много.
Это ещё надо подсчитать.
Ничего, лекарство есть у Бога,
Мудрости Ему не занимать.
Так, работы валом, дверь закрыта,
Разрешить попробуем вопрос,
От микробов включена защита,
Сделаем на сорок лет прогноз».

На стене портретики висели
Их любимых и больших семей.
За столом разведчики сидели —
Добрых честных смелых семь друзей.
«Командир» – условно его звали.
Командиром истина была.
Все задачи всемером решали
На совете круглого стола.

«То, что распылен, огромный минус.
Научил людей друг другу лгать».
«А в тарелку не проникнет вирус?
Он имеет свойства проникать».
Командир сказал: «Вы что забыли?
Есть у нас на зло иммунитет».
Всемером пилюли проглотили,
Зашуршали фантики конфет.
«Мы не зря работаем ночами.
Для него фотоны – аллерген.
А ночами он в гульбе с чертями,
С упырями, разными козлами,
Хорошо исследуется нами.
Для него не существует стен».
«Вычислим, в каком он измереньи
На гранитном камешке сидит
Среди духов разных, приведений,
Что задумал этот паразит».
«А потом прогнозами займемся.
Блок «Аналитический резерв»
Нам поможет, быстро разберемся,
Версии ненужные – в отсев!
Из частицы из элементарной
Он огромным монстром может стать
И басить потом высокопарно,
И чертям приказы отдавать».

«Голограмма, что ли?» – «Что-то вроде.
Подсознания выбросы страстей.
Зря бытует мнение в народе —
Чем размеры больше, тем страшней.
Беды все от маленьких размеров,
Но больших амбиций – это факт.
Нам известно множество примеров,
Как устой кроили на свой лад,
Резали гармонию природы
Мелкие «пупки» Земли большой»
Помним мы великие походы,
Темные дела и кровь рекой.
Тот, кто абсолютной властью бредит
И для смертных Богом хочет стать,
Кто в Нероны днём и ночью метит
И несчастных хочет обсыпать
Лепестками роз, чтоб стало тошно —
Тому смысл счастья не понять.
Жить в любви, в согласии не сложно,
Надо только меру во всем знать.
Но у всех на всё своя есть мера
И частенько крест не по плечам.
«Пуп» Земли некрупного размера
Сложится под грузом пополам».

«Ха! Но мы ведь тоже небольшие». —
Улыбнулся тут пилот шестой.
«Нет, браток, мы добрые, смешные,
Потому что уровень другой.
Мы давно работать научились,
Зло искать, идти на ход вперёд».
«И в полёт мы сами напросились.
Добровольцы мы!» – сказал пилот.
«Есть у нас секретные приборы.
«Дух-лазутчик» – первый среди них.
Засечем любые разговоры,
Помыслы врага узнаем вмиг».
Командир нажал на кнопку, тут же —
Дух-лазутчик подлетел к окну
И сквозь стены вылетел наружу
В Брянскую лесную тишину.
«Вот еще приборчик „Замануха“.
В нем хранится крошечный макет
Эмбриона ведьмы-потаскухи.
Все мы знаем, это не секрет,
С кем лукавый любит развлекаться.
Вирус прошмыгнет, а дверца хлоп!
Будет антитело изучаться,

Поместим его под микроскоп.
Кто пойдет – уже давно стемнело —
Водрузить прибор на верх сосны?
А лесник – добряк, идите смело.
Дьяволу такие не нужны.
Тот мужик он чист и не заразен.
А когда жену похоронил,
В лес ушёл. Ну что, вопрос всем ясен?»
И пилот бесшумно дверь открыл.

Вышло двое, взяли «замануху»,
Посмотрели молча на луну,
(Август, звезды, ночью было сухо).
И полезли дружно на сосну...
«Как же мог лукавый распылиться,
Не могу понять я всё равно,
В безопасной зоне очутиться,
В заповедном секторе прижиться,
Основательно заякориться,
Где его совсем быть не должно?»
«Мы же проходили в разведшколе.
Ты тогда, наверное, хворал.
Бунт, тюрьма, потом бежал на волю,
От погони быстро убегал,
Захватил с налета батарею,
Развернул фотонный пургомёт,
Вытряхнул снаряды все скорее,
В центрифугу он залез. И вот,
Быстренько включил аннигилятор,
Квантизован был в один момент.
Это зафиксировал локатор.
Зарядил им пушку терминатор,
Выстрелил. И элоквент-оратор
Прямиком умчался на тот свет,
В антимир – бездонную воронку,
Где он свою сущность поменял».
«Да, я видел в школе эту плёнку,
Где, каким он был, каким он стал».
«Он пучком прошел воронку эту,
Не попал случайно в сборный цех.
В скорости не уступая свету,
Пролетел и, обогнав комету,
Злобным ливнем выпал на планету
Всей цивилизации на грех.
Черная дыра – врага обитель,
Там его не ждали, пролетел
Он через хитритель и мутитель,
Превратился в тучу антител.
Пили ром космические банды,

Легкий ветерок слегка обдал,
Ничего не поняли мутанты,
Цех бы его быстренько собрал.
Получил большое ускоренье
Побыстрей фотонных скоростей
И сюда попал в одно мгновенье,
Где давно замучил всех людей.
Их форпост губительное место
И страшнее места просто нет».
«А откуда это всё известно?»
«Передал оттуда наш агент».

4

Житие Сибирское, глухое...
Здесь трудиться надо, крепким быть.
Но когда нутро твое гнилое
О работе можно и забыть.
На печи лежал Распутин Гришка,
Тунядец, очень много пил,
Потирал на лбу большую шишку,
Драться, сквернословить он любил.
Часто слышал: «Гниль, работать надо!»
И на что с ехидством отвечал:
«Лошади пусть пашут до упада.
Не хочу. Раз Бог меня создал,
Окропил саратовские корни,
Научил, как водку пить с отцом,
Пусть дитя немытого и кормит.
Труженик и лодырь – все помрём».

«Порченный» его все называли.
И точнее слова не найдёшь!
Мужики жалели – наливали.
Обижался, если не нальёшь.
Вымерли родные и в больнице
Он нашел под лестницей приют,
От Тюменской стужи мог укрыться,
Пожалели оборванца тут.
Но однажды бес попутал – сдался
И украл с деньгами узелок,
Под забором снова оказался
Гришка Новых – хитрый мужичок.
Подъедал в трактире за гостями,
Был бродягой, воровал коней.
С длинным носом, с мутными глазами,
Весь заросший черта был страшней.

Конокрадов раньше не любили,
Палками лупили всем селом,
Сволочей без жалости губили.
Два кормильца были – конь с отцом...

У кострища с ведьмами в обнимку
На граните дьявол восседал,
Прочитал мирскую анонимку
И чертям приказ такой отдал:
«Вот письмо. Хлысты мне сообщают,
что народ Распутина прогнал,
В Верхотурье босиком шагает.
Не хочу, чтоб он доковылял.
Вы ему пути все перекройте,
Чтоб стервец в обитель не попал,
В голове его бедлам устройте
И спешите с ним ко мне на бал».

Шел Григорий по лесной дороге,
Грязный волос не давал смотреть,
Прошагал уже довольно много,
Размышлял: «Зачем сей жизни смерть?»
У костра бродяги ели, пили.
Гришка наглым был – сам попросил.
Путники неряху угостили
И Григорий зелье проглотил.
Вдруг в глазах кисельных заплясало!
Испугавшись, не узнал людей.
У костра пред ним, смеясь, стояло
Шесть покрытых шерстью злых чертей.
«Что, Варнак кудластый, поспешили?
Что, чертей не видел, червячок?»
Бесы быстро Гришку подхватили
И надели на чело мешок.
Вот земля исчезла под ногами.
Показалось долго шел полёт.
Он хотел поговорить с чертями,
Но ему заткнули тряпкой рот...
А когда мешок с лица убрали,
Он увидел зал и яркий свет,
Под оркестр пары танцевали.
Дьявол с трона произнес: «Привет!
Что, Григорий, брови свои хмуришь,
Неужели краковьяк плохой?
Знаю, что, голубчик, танцы любишь.
Ну-ка попляши часок-другой».

Свечи в канделябрах, нету мрака,
Все реально было в мираже.

Пол мужской был в смокингах и фраках,
Женский пол – в прозрачном неглиже.
Гришка ущипнул себя за шею —
Стало больно, дьяволу кивнул
И, душой червивой холодея,
К центру зала босиком шагнул.
Вдруг лохмотья с плеч его упали,
Заблестел рубашки красный шёлк,
«Барыню» в оркестре заиграли,
Появился кованый сапог.
Замахал рукой, стал громко топать,
Танцевал примерно часа три.
Публика давно устала хлопать.
Дьявол сделал жест, сказал: «Замри!»
Гришка тут же встал, от танцев потный.
Дьявол поманил его рукой.
Конокрад пошел к нему охотно
И услышал: «О, плясун какой! —
Пригвоздил ханыгу взгляд лукавый. —
Послужи мне, будешь на плаву.
Нравишься ты мне, плясун костлявый.
Так и быть – в тебе я поживу».

Вновь в деревне Гришка объявился
Да еще страшней, чем раньше был,
Колдовству, гипнозу научился,
Лошадей глазами тормозил.
Мог котов прислать большую стаю
К тем, кто ему водки не давал.
Дорогой читатель, полагаю —
Ни к кому любви он не питал.
И народ Покровский богомольный
По домам крестился и шептал,
Что «хлыстов» скрывает он подпольно,
А с росой в лес их провожал.
Темные убогие морёхи
Прикоснуться к порченному шли,
Глупые наивные дурёхи
Хлеб и соль «апостолу» несли,
Каялись и мыли его в бане,
А костлявый нежится, лежит...
Дальше было что, писать не стану.
Пусть читатель сам сообразит.
Много глупых баб он обесчестил,
В ближний лес на оргии водил,
Подкупал их всех красивой лестью,
В губы целоваться научил...
Как-то он услышал темной ночью
В животе своём утробный бас.

Он еще подумал между прочим:
«Может это брага или квас
в брюхе забродил, запузырился?»
Да вот нет. Хозяин это был.
Говорил он быстро, торопился.
Ничего Распутин не забыл:
«Я тебя, голубчик, покидаю.
Ждут меня делишки поважней.
А тебе сейчас напоминаю,
Что ты должен сделать поскорей.
День придёт ты с якоря снимайся.
За Урал когда перемахнёшь,
Перебраться в Питер постарайся,
Ясновидцем добрым притворяйся
И в семейство царское внедряйся.
Если буду нужен позовёшь.
Понял, Гришка, должен постараться!
Вот тебе мой маленький секрет.
Если будешь в помощи нуждаться,
Ты в сердцах промолви – Шиболет».

Только брюхо булькать перестало,
Конокрад упал под образа.
И душа взревела, зарыдала,
И сверкнула на щеке слеза.
Он схватил лопату и помчался
По росе, босой, на задний двор,
Яму сделал и туда забрался,
Закричал своей Парашке вор:
«Всё, жена, не вылезу отсюда!
Видишь, мать, какая глубина?
Грешник я большой, молиться буду.»
Ты ведь знаешь в чем моя вина!
Ты бросай харчи мне понемножку.
Хлеб, вода. Селёдку не забудь!
Говори – «Отчалил в путь-дорожку».
Поняла? Придумай что-нибудь».

Но когда через три дня Парашка
Принесла затворнику харчи,
Засверкали в яме сиськи, ляжки...
Рявкнул тут Григорий: «Не кричи!
Сами лезут. Ну куда деваться?
Я хотел как лучше, так и знай. —
И как зверь Распутин стал смеяться. —
Ну тащи оглоблю, вынимай!»
Так в селе Распутина не стало.
На дорогу навязав лаптей,
Это чудо страшное пропало,

Чья душа была ночи темней...

В городе любом, в селе, в районе
Свой Распутин был и есть всегда.
Темнота, не развит всесторонне,
Бич российский и ее беда.
Много пьет, живуч и неопрятен,
Может и по снегу босиком,
Без стыда, округе неприятен,
Превратил в пещеру затхлый дом.
Падший грешник каменного века.
Радость – бабы, водка и табак,
Потерявший облик человека,
И уже не выбраться никак
Из порочной липнувшей трясины,
И ржавеют косы, топоры...
Утопают крепкие мужчины —
Плотники, умельцы, гончары...

5

Над землёй Сибирской, широченной,
Да над лугом, полей и рекой
Черный ворон пролетал степенно,
Над седой и мудрою тайгой.
Путь не близкий – в пышную столицу.
А в низу кулачные бои!
Мужики уродовали лица,
Не поймешь, кто враг, а кто свои.
Кольев треск, рогатины и вилы,
Бабий вой, ломаются кусты.
Сколько в них энергии и силы?!
Кровь пускают, портят животы.
Тут на поле бьются хуторские,
Здесь село сшибается с селом,
Там ломают кольца слободские.
И никто не сладит с мужиком!
Ни купец, ни барин, ни управа.
Надо просто встать и подождать
В стороне, когда остынет лава,
И виновных уж потом искать.
Тут не верят, там жену украли,
Здесь идёт вражда за сенокос,
Там чужих не любят – в морду дали:
«Что за фрукт? Откуда черт принёс?»
Виноватых, если есть такие,
Заковать в железо, в кандалы,

И в остроги на срока большие
Как героев без дрянной хулы.
Значит, день пришел – пора мириться
И простить друг друга во Христе!
И вина и водочки напиться
В доброте святой и простоте...

Над большой Россией пролетая,
Черный ворон крыльями махал,
О народе русском размышляя,
Каркая, глазёнками стрелял:
«Почему в России все случится?
Потому что крупная она.
Здесь легко подпольщикам укрыться.
И душа российская темна.
В каждом мужике бунтарь ночует,
Может лих болотный, может бес.
И давненько мнение бытует —
Долго жить не может без чудес.
Бунт великий – это ли не чудо?
Вверх ногами все перевернуть
И кровавый флаг поднять над судном,
И в штормах утопий утонуть...
Тёмная отсталая Россия,
Будет тебе чудо, подожди,
Будет во спасение Мессия —
С авангардом вождь, все впереди!
Вот где будет гневу разгуляться,
Что в тебе скопился за века!
И буржуи будут разбегаться
От героя Ваньки-дурака.
А мужик пока с конем и с плугом.
Скоро будет человек с ружьём
Сквознякам дворцовым лучшим другом,
Будет согреваться кипятком...

А в тайге скрываются общины.
Сколько их? О, нет – не сосчитать!
Мясо не едят, едят малину,
В лес ушли с природой жизнь связать.
Их молитвы, нет, не остановят
Эшелон прогресса и потерь.
В век двадцатый этот поезд входит. —
Каркнул ворон, как тугая дверь. —
Их обходят Декабристов тени,
Далеко героев терема.
Староверы, стоя на коленях,
Понимают – горе от ума...».

Над Ходынским полем закружился.
Здесь опять загадочный народ
Массой необузданной столпился,
Он кряхтел и мало веселился,
Он давился, под себя мочился.
Что случилось? И чего он ждёт?
Так и есть – помазанником божьим
Стал в Москве несчастный Николай!
Как ему в дальнейшем будет сложно?!
Никому такой судьбы не дай!
А народу тьма, не видно края,
Ждут подарков, угощений ждут,
Теснотищу громко проклиная,
От удушья, переломов мрут.
Косточки трещат, грудные клетки.
Глупость беспощадна и слепа!
И по головам шныряют дети,
А иначе не отдаст толпа.
Ой, Ходынка! Ох уж это поле!
Сколько здесь подавлено голов?!
Помнит мать-кормилу на престоле,
Мир турецкий и царицы волю,
Пышные гулянья с хлебом, с солью,
Как топтали ноги мужиков
Баб своих, детей, калек и пьяных.
В небесах салюты – Бах! Бах! Бах!
Выносила «лава» самых рьяных
К дармовым кулёчкам на лотках.
Не умели радоваться в меру,
В меру плакать, в меру горевать,
Словно в крайность к бунту шли и в веру,
И не перестали обожать
Пиво, сладкий пряник на халяву,
Чай горячий фейерверков гром,
Потолкаться, поплясать во славу
Доброго монарха табуном...

В этот раз побиты все рекорды!
На Ходынском поле горы тел,
Словно в басурманские походы.
И в печали колокол звенел...

6

Командир сидел в удобном кресле,
Продолжая молча размышлять:
«Все пока нормально. А что если

Письмецо любимой написать?»
Он достал из верхнего кармана
Радиопьютер именной
И, нахмурив бровь, довольно рьяно
Он по кнопкам бегать стал рукой.

«Здравствуй, моя милая супруга!
Вот нашел минуту написать.
Там, где я сейчас, довольно туго.
Даже и не знаю как сказать.
Человек несчастный примитивен
И не скоро сможет нас догнать,
Только в этом вовсе не повинен —
Страшный вирус не дает дышать.
Счастья просто нет для человека,
Если им не можешь хвастануть,
И при виде нищего калеки
Вовсе не сочувствует ничуть.
В сытом виде, полный святотатства,
Обходя паи бедовых доль,
Он, согретый радостью, злорадством.
Состраданье для него не боль!
Равнодушный эгоист ликует,
Что не он на мостовой лежит,
Только рубль жадного волнует.
Если будут деньги – будешь сыт.
А для нас давненько счастья нету
Без обычной помощи другим,
Друг от друга нет у нас секретов,
Бескорыстьем этим дорожим.
Крепостных силком здесь держат рядом,
Не даёт помещик улизнуть.
За труды – грошовая награда.
Нет здесь демократии ничуть.
Мужики тут жен своих гоняют
И частенько по лицу их бьют,
Унижают, душой называют,
Испокон веков так здесь живут.
Пропуская водочки грамм двести,
Муж семью гоняет с топором.
Ни ума, ни такта в нём, ни чести
И в избе его все кувьром.
Скучно мужику в быту без водки.
Он вспахал, посеял и убрал,
Для рыбалки просмолил он лодку
И чудит, смочив изрядно глотку.
А потом на каторгу в колодках!
И закончит жизнь не как мечтал.
А душа его – не видно края!

Зачастую в мыслях прав мужик,
За бутылкой бытие ругая,
Его правда переходит в крик.
Женщины на лавочках тоскуют.
А какие песни здесь поют!
Ноженькой босой в пыли рисуют
И с небес лекарство, чудо ждут...

Сколько между нами? Миллионы
Измерений, тысячи парсек.
Как там наша ферма, наши клоны?
Как там наш мохнатый Пинчукрек?
Это чудо дивное природы —
Полметровый работага пчёл,
Собиратель патоки и мёда,
Минералов, витаминов, смол.
Помню, мы по выставке бродили...
Павильон Галактики родной
Подарил пчелу и мы решили,
Что построим ферму над рекой.
А потом клонировали пчёлку
И привили нужный интеллект.
Находить он мог в стогу иголку —
Был удачным первый наш проект.
Помнишь, как все время нас учили? —
Молодость, вперед! Вам все пути!
Чтобы свет в глазах, желанья были,
Чтобы двери в свой раек открыли,
Если вы кого-то приручили,
Только вам ответ за них нести.
Чем, родная, дальше я от дома,
Тем сильнее вас с детьми люблю.
Мою душу греет аксиома —
Чувствам расстояние не кома.
Тяжко от синдрома скопидома.
Лишь одним желанием горю
Крепко всех обнять – тебя, детишек.
Сколько их у нас? Уже пятьсот!
Сдунуть пыль с любимых своих книжек,
Нежности своей дать полный ход.

Помню, молодыми с тобой были,
Было нам с тобою лет по сто,
Как друг друга сразу полюбили,
Полюбили просто – не за что.
Как друг друга глубже узнавали,
Открывая новые черты,
Свои чувства по глазам читали
И всегда друг друга понимали,

И вопросы вместе все решали,
Совпадали светлые мечты.
Как потом решили пожениться,
Чтобы в ступе воду не толочь,
Стали мы к венчанию рядиться.
И вписал в талмуды нас Господь.
Поздравлять примчалась разведшкола,
А к тебе биологи твои.
Было много смеха, разносола
И звучали трубы, соловьи.
Бог, конечно, был голографичен.
Он один, а молодых не счесть!
Для гостей был крупно увеличен.
А потом салют был в нашу честь.
И мгновенно в космосе далёком
Вспыхнула сверхновая звезда,
И на свадьбе за столом широким
Мы все дружно закричали: «Да!»

Как потом сказала голограмма:
«Соблюдая строго сил баланс,
Чтоб невеста скоро стала мамой!
Размножайтесь! Очень рад за вас!
Вот национальная идея —
Примитивам помогать во всём!
Чтоб однажды поняли, взрослея, —
Адским создается рай трудом!
В разных ипостасях, в разных формах,
В разных измерениях – их не счесть,
Кому биоматериалом, кормом,
Кому просто радостную весть.
Помогать дыханием надежды
Прививать талант попасть в струю,
Не бросаться в крайности – быть между.
Вот о чем я вам сейчас пою!»
Да, он пел, то тенором, то альтom.
Он вообще у нас – ну хоть куда!
Может вес толкнуть и сделать сальто,
И в хорошем здравии всегда.
Все его здоровенькие клетки
Вечности и счастья полны,
Никогда не кушает таблетки,
Зато любит манные конфетки,
Головные боли очень редки,
Ему ясен шепот тишины.
Музыкален, на любом мгновенно
Инструменте извлекает звук,
Знает он любой аккорд Вселенной!
В школе нам рассказывал степенно

Ветеран Галактики нетленной
Музыки учитель – дед Манук...

Без дефектов Бога речь, понятна,
Нас всегда детишками зовет,
Излагает мысли свои внятно
И любви сияние идет.
Не перестаю все удивляться
Его плоти. Что за волокно?
Если надо, может превращаться
То в буханку хлеба, то в вино.
Накормить собой вполне способен,
К жизни возратить ржаным куском,
В гибкости он просто бесподобен,
Появляясь в облике своём.
Да, конечно, знать нам это рано,
Все этапы надо прошагать.
Удивление – удел профанов.
Долго нам расти и попевать.
Нет границ у нашего сознания,
То, что знаем – это лишь микрон.
Вот какое наше оправданье!
Ведь не зря детьми зовет нас Он.
Может обратиться ко всем сразу,
Может персонально просвещать.
И в душе своей ты слышишь фразу:
«Не грусти, не надо унывать.
У тебя есть главное – работа,
Мир, друзья, жена, в жилье камин,
Есть талант, приятные заботы...
У тебя есть Я, ты не один.
Чтоб не рвалась бесконечность смысла,
Чтоб о чудной жизни больше знать,
Чтоб в душе надежда не прокисла,
Цепь перерождения не прорвать,
Чтобы связь времён не потерялась,
Чтоб душа болела за добро,
Лонгоньерам чтобы не досталась,
Мы давно с конструкторским бюро
Морщим лбы и напрягаем лица,
Чтоб состряпать высший идеал —
Абсолютной памяти частицу,
Чтобы про себя всё в жизни знал!
Кем ты был и выводы сам делал,
Кем тебе на свете лучше быть,
Чтоб реинкарнацию отведать.
Смерть всего лишь дверь и снова жить.
Может в непривычном измерении,
Но зато ты к делу приобщен.

Ты у сил добра на попеченьи,
Хоть с печеньем ложкой ешь варенье.
Зло ковать в добро – вот наслажденье!
Только этим Бог ваш поглощён».

А потом нас Пицкразоц поздравил,
Парадигмы звездной президент,
Шевелюру рыжую поправил
И провозгласил: «Да будет свет!»
Каштырбаус нас поздравил следом,
Губернатор наших трёх планет:
«Обращайтесь смело за советом,
Будем помогать. Да будет свет!»
Помню в райском парке для влюбленных
Посадили мы любви цветок,
И звучали умиротворенно
Гусли, флейта, скрипка и рожок.
Это была роза белой масти.
Поливать её не забывай.
Я вернусь! Ни страсти, ни напасти
Мне не помешают, так и знай!
Там была такая красотища!
И порхали ангелы вокруг,
И духовной мы питались пищей,
Купидоны заряжали лук.
А один стрелок своей иголкой
Прوماхнулся и попал мне в нос.
Мы потом смеялись очень долго
В аромате ландышей и роз.
Много там цветов благоухало,
И вскружила голову сирень!
Только наше время поджимало —
Подходил к концу медовый день.
В парк другая пара заходила,
Мы к гостям пошли, покинув сад.
Фейерверком небо заискрило.
Улыбался главный демократ:
«По щепотке космополитизма,
каждой паре по одной звезде,
Никаких не надо больше «измов»,
Отдыхать научитесь в труде!
Истина одна. А взглядов сколько?!
Будьте с правдой. Презирайте ложь.
На прощанье говорю вам – Горько!
Хотя горькой жизнь не назовёшь».
Мы для поцелуя сразу встали.
Я, чуть ниже, на носочках был.
Долго гости нам с тобой считали.
Тут и голограммы след простыл...

Скоро мы помчались в путь дрогу
Новую планету обживать,
От ворот ключи – подарок Бога,
Поспешили ферму создавать.
Как там наше мелкое хозяйство?
Как живут соседи, как друзья?
Упаси вас, Боже, от лукавства!
Чтобы изоляции края
Не задрались, чтобы вирус злобный
Не проник в Галактику, в наш дом,
Чтоб микроб противный, низкопробный
Не заполнил ваши фибры злом.

Мы с тобою внешне не похожи,
Ты повыше, я тебе по грудь,
Разный цвето-запах нашей кожи,
Я ушастый. Но не в этом суть.
Наш цветок любви не увядает
И для счастья мало надо нам.
Счастлив – кто дает, не получает!
От добра добра не ожидает,
Кто под себя жар не загребают
И делить умеет пополам.
Вот и все, что за одну минуту
Смог тебе, родная, сообщить.
Я люблю тебя и верить буду,
Что цветок мы сможем сохранить.
Просьба! Не затягивай с ответом.
Как получишь, сразу отвечай.
И, пожалуй, я прервусь на этом.
До свиданья, мой домашний рай!»

Он поставил точку, прослезился,
Но компьютер свой не выключал,
Ненадолго замер, отключился.
Через две минуты он читал:

«Дорогой письмо мы получили!
Слушали в трансляции меня
Наша ферма, все, кто рядом были,
Близкие, соседи и друзья.
Все хозяйство наше процветает,
Наши клоны хорошо растут,
Все в порядке и всего хватает.
Пчелы, рыбы, дети тебя ждут.
Я ушла в генетику, любимый,
Центр отмечал мои труды.
Привлекает мир меня неизмеримый —
Там всех бед и счастья следы.

И, представь, удачно совмещаю
Психо с био, так-то, милый мой!
Гены индивидов очищаю,
Наполняю сущность добротой.
Знаешь сам – лицензию имею,
Что когда-то мэр мне подписал.
Много я чего уже умею. —
Командир взволнованно читал. —
Мы давненько старость победили
И болезням больше не бывать!
Все этапы жизни удлинители
И здоровье знаем, где черпать.
Век отдали юности и детству,
Зрелый возраст длится пять веков.
Но еще не идеально средство,
Далеко еще нам до Богов.
Но зато с рождением младенца
Вкладывать умеем в ДНК
Умножение, почки квинтэссенций...
Пока мало, но зато пока.
У соседей плазма поспевает
И растёт неведомый кристалл,
Новое в науке открывает,
Много медицине помогает.
Вот тебе и чуда не бывает!»
«Углеродный маг» кристалл назвал.
У соседей справа всё в гибридах.
Разошёлся селекционер.
Уже много нового открыто.
Чтоб такое привести в пример?
Зимние лимоно-яблонаны
В экстремальном минусе растут.
Много у соседей разных планов.
Хочет сделать идеальный грунт
На сверхновых микроэлементах,
Чтоб совсем почти не поливать,
Да на минералах и ферментах,
Чтоб не надо было удобрять.
Бросил в этот грунт зерно любое —
Будет быстрым, спелым, чистым плод,
Даже если утро ледяное,
Не замерзнет с грунтом огород.
Стебельки до метра согревает
Он своим невидимым теплом
И сорняк весь рядом убивает,
Холодит, когда жара кругом...

Жен земных жалею, понимаю.
Как хочу, чтоб ты со мною был!

День и ночь я по тебе скучаю!
И о нашей встрече всё мечтаю!
Долг, работа. Знаю. Представляю,
Что с Землею вирус натворил.
Вон вчера по почте электронной
Сообщили всем, что был прорыв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.